

КОЛДОВСКИЕ
МИРЫ

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

ПОЛЕТ
ЦВЕТА НЕБА

ДРАКОН ЦВЕТА КРОВИ

(продолжение следует...)

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ДРАКОН
ЦВЕТА
КРОВИ

A decorative illustration of a plant with several leaves and small flowers, positioned to the left of the title text. A thin, light-colored circle is drawn around the text.

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Оформление *А. Андреев*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Дракон цвета крови / Галина Гончарова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-196006-3

Страшное потрясение ждет Академию Драконариев. Привыкли издеваться над безответной однокурсницей, а она вдруг поменялась. Да так, что страшно становится.

Результат жестокой шутки привел к тому, что душа Каэтаны ушла, и в ее теле оказалась душа женщины иного мира. Комсомолки, спортсменки и фитнес-тренера.

Зоя в себе сомневаться и терпеть унижения не будет. И займется она тем, что лучше всего умеет. Создаст свою спортивную секцию. Говорите, женской дружбы не бывает? Еще как бывает.

Рецепт прост. Много спорта, много врагов вокруг — и драконы. Смешать, взболтать... драконы против и уже изволили скушать врагов? Тогда оставляем тренировки.

А драконы — драконы сами останутся.

Драконы цвета крови врагов.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г.Д., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196006-3

Пролог

Бывают моменты, когда ты летишь на крыльях. Любви, удачи, победы...

Я точно знаю — бывают.

Но бывают и моменты, когда ты падаешь, падаешь, падаешь... и неважно, что ты сейчас твердо стоишь на ногах, а не находишься в кабине лифта. Ты падаешь в бездонную черную яму.

Или в зрачки другого человека.

Сегодня со мной это уже третий раз.

— Зая, ну ты понимаешь, так получилось...

Понимаю.

Что я понимаю?

С утра я поняла, что весь мой опыт, все таланты, умения и навыки ничтожны перед деньгами, связями и истериками. Да, вот так.

Мишка, хозяин клуба, в котором я работаю, очень долго извиняется. И в глаза мне не глядит принципиально. Потом уж со злостью хлопает бокал коньяка и рывкает от души:

— Зойка, какого х...! Эта дура тебя просто приревновала, вот и все!

— Мишка, тебе чем поклясться?! Я даже повода не дала!

— И плевать, что тебе ее пузырь сорок лет не нужен! Хватит и того, что ты ему улыбнулась. Целых два раза.

— Я ему, кажется, просто сказала, что жена сейчас освободится...

Означенного «пузыря» я почти не помнила — к чему? Это своих подопечных я запоминаю надолго и всерьез, а их родственников фильтрую как незначительную ин-формацию. Вот будут у меня заниматься — запомню.

Кажется, мужчина. Полный, важный, щекастый... мне такие никогда не нравились. Предпочитаю совсем другой тип. Да и замужем я...

— Ты! Сказала! Зайка, если б ты видела, как выглядишь...

— Видела.

После тренировки?

Мокрая, усталая, измотанная, без косметики и в любимой полинявшей маечке — чучело огородное смотрится лучше. А что? Нет? Я ж не просто тренирую девчонок, я и сама с ними выкладываюсь.

Мишка качает головой.

— Не видела. Ты как лампочка светишься. И тут уж плевать... ты знаешь, сколько у меня твой телефон просили? Десятками!

— Все равно ты меня увольняешь.

— Эта дура — дочь Волковского, а они с нашим шефом кореша. И, Зай...

— Да?

— Ты бы пока уехала из Москвы, а? В ближайший год ты тут точно работы не найдешь, эта стерва постаралась тебе все перекрыть.

Я только плечами пожимаю.

Ну и ладно. Мы с мужем давно хотели завести ребенка. Будет куда потратить этот год. А что до денег — не пропадем. У нас достаточно отложено, чтобы прожить и три года. Если, конечно, очередного кризиса не случится.

Но все равно — ощущение падения. И обиды.

За что?

А вот просто так! Тапком — и по носу! Во имя высшей подлучести и мерзавности! Не расслабляйся, Зойка!

* * *

Второе осознание реальности происходит в поликлинике.

Дорогой, между прочим. И не за паркетные полы тут платят. Полы как раз самые простые, плитка, кажется, еще с советских времен осталась. Врачи тоже не анкетные. Боль-

шую часть я давно и прочно знаю, еще со времен своей спортивной карьеры.

Я не сказала?

Когда-то гимнастка, теперь — фитнес-тренер. Заодно веду восточные танцы, стрип-пластику и аэробику. Специалист-многостаночник. Хоть на шесте, хоть без шеста.

Так многие спортсмены кончают, знаете ли. Глядя в телевизор, восхищаясь олимпийцами и планируя блистательные карьеры для детей — советую помнить. На одну пробившуюся приходится десять тысяч съеденных. Растоптанных, сломавшихся или — мой случай — просто вышедших в тираж.

К примеру, балерина не должна быть выше определенного роста. Сто шестьдесят пять — и не больше пятидесяти килограммов веса. А то и меньше. Переросла?

Свободна, детка. Или пляши всю жизнь в седьмом ряду на пруду.

С другой стороны, если в тебе те же сто шестьдесят пять сантиметров, ты можешь всю жизнь пробиваться в баскетбол. Упорно и безрезультатно.

Единичные исключения, увы, только подтверждают правило. И то — частенько стоит посмотреть родственников и друзей тех самых исключений.

Остальные... единицы из нашего потока устроились нормально — по их меркам. Кто-то работает в школе, кто-то, как я, по спортзалам. А сколько спилось? Скололось? Ушло в криминал?

Я не знаю статистики, я вижу своих однокурсников. И результат печален.

Поток — по сто человек на курсе. Живы-здоровы человек десять. Успеха не добился никто. Такого, оглушительного, чтобы на всю страну прогреметь. Я еще более-менее устроена.

Дом, семья, работа... была.

Ладно. Займемся ребенком.

И тут мне прилетает тапком второй раз. В поликлинике светло, уютно, пахнет чем-то неуловимо медицинским, а я себя чувствую как в глубоком подвале.

— Вы бесплодны.

— К-как?

Гинеколог смотрит на меня серьезно и спокойно.

— Вы же спортсменка в прошлом? Правильно?

— Да.

— Нагрузки. Плюс простывали в детстве, верно?

— Ну да... на сборы ездила...

До сих пор раз в месяц такие боли, что едва таблетками спасаюсь. Но лечить было некогда. А теперь...

Поздно.

Слово звучит приговором.

Я могу усыновить ребенка, но не родить своего. Даже яйцеклетку для суррогатной матери у меня взять не получится. Увы. И об этом надо сказать мужу.

Я встаю из удобного кресла в кабинете врача, но это внешне. А внутренне я словно падаю. В глубокий темный колодец без дна. Но меня ведь есть кому подхватить. Мы с мужем договорились сегодня поужинать в ресторане.

* * *

— Зай, тут такое дело...

— Какое?

— Ну... я... и Оля...

Он сидит напротив. Кудрявый, симпатичный, высокий, стройный, мечта половины женщин в этом зале. А мне хочется выплеснуть на него вино, расцарапать ему щеки, закричать.

Потому что другая женщина беременна от него. И ждет от него ребенка.

И я ему не нужна.

И я падаю, падаю, падаю... темнота накрывает меня...

На что меня еще хватает, так это сохранить лицо. Я встаю из-за стола и улыбаюсь.

— Замечательно, дорогой. Надеюсь, ты помнишь, что все МОЕ имущество оформлено исключительно на МЕНЯ? Собирай вещички — и проваливай.

Муж меняется в лице.

— Зоя! Это мелочно! Я столько лет с тобой жил...

— Не только со мной. Это первое. И все, что я заработала, я заработала без тебя. Своим трудом и горбом. Так что свободен, лапочка.

Фамилия мужа — Лапочкин. И весь он такой... лапочкин...

Да и пропадом ты пропади!

Встаю и выхожу из ресторана на улицу. Иду на автостоянку. И...

Машины, которая вырывается из-за угла, я решительно не вижу.

Вспышка.

Удар.

И чернота, в которую я падаю уже по-настоящему.

* * *

Свет в конце тоннеля?

Он частенько оказывается поездом. Вот и сейчас на меня смотрят с укоризной. Не свысока, не зло, не обидно, но... я разочаровала существо рядом со мной. И это чувствуется.

И мне хочется плакать.

Я не знала, но разве это избавляет от ответственности?

— Ай-ай-ай. А еще такая взрослая девочка...

— Никому не нужная. Пустая... Вот зачем я? Детей у меня не будет. Семьи нет. Работы нет. Ничего нет. И меня тоже. Так... так будет лучше.

Из сияния формируется женский силуэт, и меня ласково гладят по голове.

— Знаешь, какой самый страшный грех?

— Убийство?

— Отчаяние, маленькая. Отчаяние. Смотри сюда. Вот это могло бы случиться. Но ты отчаялась и опустила руки.

На кончике ее пальца загорается свет. И я смотрю.

Я вижу, как выливаю на бывшего... — да, уже бывшего — супруга вино.

Прямо на кудрявую голову.

Слушаю его вопли, как музыку. И аплодисменты из-за соседнего столика. С мужчиной, который подходит ко мне, я и уезжаю. И закономерно провожу ночь в его постели.

А наутро...

Наутро у меня начинается новая жизнь.

Оказывается, у него есть дочь. И бывшая жена, с которой он воюет за ребенка.

И свое дело — более того, дело, в котором я разбираюсь. Торговля спортивным питанием.

Лента времени разматывается все быстрее. И вот мы уже у дома, на лужайке, вокруг нас трое детей...

— Я смогла родить?

— Нет. Вы их усыновили.

И мне становится больно. Так больно...

— Зачем?

За что ты мне это показываешь? Я так провинилась этим моментом отчаяния? Да? Там, упиваясь своим горем, я предала не только себя.

Я подвела еще и их. Таких счастливых... а теперь ведь этого не будет. Это ад?

Да?

— Нет. Это возможность.

— Возможность?

— Ты неглупа. И должна понимать, что ада и рая в вашем понимании не существует.

Я пожимаю плечами. С этим я согласна. Глупо же! Сто лет на земле — и вечность на облаке? Да там уже, наверное, перенаселение!

Определенно, все не так просто.

— Непросто. Но мы сейчас не о божественном замысле, а о том, что ты впала в грех отчаяния, фактически покончила с собой. Предала и себя, и мужа, и детей. И если говорить обо всем остальном — еще и маму, и отца, и сестренку... думаешь, им больно не будет?

Я опускаю глаза.

Больно? Кто бы сомневался — будет. И мое имущество — у меня ведь завещание написано на всякий случай, на маму,

так что Димочка пролетит мимо со своей Олечкой, — ничего для родных не изменит. Им все равно будет больно, как мне сейчас.

Так тоже, оказывается, бывает. Не знала и не ведала, а виновата. И я уверена, что существо не врет. Здесь вообще не врут.

На несколько минут в пространстве повисает тишина. Потом сгусток света начинает трансформироваться.

Существо... сейчас оно становится похоже на женщину. Как персонификация какой-нибудь доброй тетушки. Вот так и выглядят настоящие русские красавицы, жены и матери, лет в пятьдесят — теплые, сдобные, от нее даже пахнет свежесдобленным хлебом, вкусно так...

Уютно.

Теплая рука гладит меня по голове.

— Ты хочешь все исправить?

Мне могут дать шанс?! Тогда это рай!

— Да.

Женщина вздыхает. И я осознаю, что рай там, не рай, а выбирай. Халявы не будет.

— Зоя, в моих силах помочь тебе. Но... не бесплатно.

— Что я должна сделать?

Этот подход я понимаю. Ты мне, я тебе, товар — деньги, все логично. Бесплатно только гадюки яблочки предлагают. Червивые.

— Я могу аннулировать несколько секунд. И вернуть тебя в тот ресторан, за стол. Но и ты должна будешь мне отработать.

— Как и чем?

Женщина проводит рукой — и в воздухе загорается окно. За ним, как в роликах, потихоньку кружится планета, чем-то похожая на Землю.

Моря, континенты, белые облака, зелень...

— Смотри сюда. Это Фейервальд.

— Фейервальд?

— Мир, где очень требуется восстановить равновесие.

— Да? И как?

— Тебе придется меня выслушать. Я — богиня, в том понимании, которое вы вкладываете в это слово. И мое имя Даннара.

— У нас такой не было.

— Была. Только носила другое имя. У славян, у твоих предков, меня звали Живой.

— Жива? Нет, не слышала.

— А что ты вообще знаешь о ваших богах? Впрочем, это неважно сейчас. Мы ушли, когда пришло христианство, ушли в другие миры. Но связи сохранили. А сейчас, когда христианство ослабло, народ просто ходит в храмы, но не верит, мы можем заглядывать. Возвращаться. И даже искать себе помощников. Боги, чтобы ты знала, не могут сами спускаться в миры и действовать в них.

— Почему?

— Это как распашонку на взрослого надевать. Сил много, повернешься — и только нитки затрещали.

Я киваю.

— Допустим. И получается, что вы ищете себе помощников. Типа... аватара?

— Нет. Аватар — это иное. Я не дам тебе своих сил, не стану говорить твоими устами, не буду творить чудеса твоими руками. Там в меня и так верят, да и... аватары обычно плохо кончают. Тебе нужна судьба Христа?

— Обойдусь.

Подозреваю, что помирать — больно и неудобно. У меня-то хоть быстро было, а если мучиться? Долго? Не хочу, боюсь боли.

— Поэтому слушай внимательно. На Фейервальде было нарушено равновесие. Если ты сможешь его восстановить — получишь долгую и счастливую жизнь. И люди в твоём мире её получают. Энергию, которая образуется от разделения души, я направлю на решение твоей проблемы. Ты выльешь на бывшего мужа вино — и все у тебя будет хорошо. Там и так.

Шар с семьей — моей семьей! — погас. Я прикрываю глаза, потом открываю их снова и смотрю на богиню.

— Хорошо. Допустим. Но это будет счастлива ОНА, не я?

— Да. Я разделю вас. Ты — вторая половина души. И ты туда не вернешься, ты отправишься на Фейервальд. А та, первая половина, не будет помнить о тебе. Но проживет долгую и счастливую жизнь. Именно так, как я говорила.

Я думаю недолго.

Меня не обманывают, я это знаю. Чувствую.

Но даже если и обманывают — что я теряю? Да ничего! Зато смогу посмотреть другие миры, смогу что-то делать дальше, смогу многое изменить для себя и в себе.

— Если я откажусь?

— Перерождение. Я не властна над твоей душой. Ты же крещеная, поэтому посвящена другому богу. Просто одна из твоих прабабок была моей жрицей. Вот я и смогла тебя... перехватить.

— Почему именно я?

— Потому что нарывы надо вскрывать снаружи. Не изнутри. Те, кто живет в том мире, они не видят проблему, они принимают ее как должное. И не могут с ней справиться.

— Нарыв может прорваться сам.

— А может перейти в гангрену, воспаление, погубить организм.

— Угу. Суть ясна.

Мне действительно было более-менее понятно.

— Если я не соглашусь добровольно...

— Я просто отпущу твою душу. А дальше — все как вам, христианам, положено.

— Понятно. Допустим — пока допустим, я соглашаюсь... Даннара улыбается, и я продолжаю:

— Вы вернете часть моей души обратно.

— Слепок.

— Что с ней будет после смерти?

— Все как обычно. Это... говоря понятным тебе языком, как амеба. Поделившись пополам, она потом опять растет до нужного состояния. Тебе, правда, будет легче, тебе достанется новое тело, а вот Зоечке там, на земле, тяже-

лее. Но она встретит любимого и любящего. Это поможет. И я обещаю приглядеть за ней.

Больше я не колеблюсь.

— Я согласна. Кровью подписывать надо?

— Нет. Вначале было Слово. И твоего слова достаточно для мироздания.

Хм. Какое я весомое существо... в мироздании.

Даннара опять улыбается. Явно читает мои мысли. Ну и ладно, я все равно померши. Пусть читает, если не боится.

— Ты хотела меня еще расспросить, верно?

— Хотела. Уточнить задание. Вы сказали — восстанавливать равновесие. Это как?

— Я не смогу тебе рассказать много. Это тоже нарушения равновесия.

— А о мире?

— Ты будешь знать то, что будет знать твой реципиент.

— Мой кто?

— Ты не знаешь, что такое реципиент?

— Теоретически знаю.

Просто не вязалось с божественным обликом вот это все... амебы, реципиент...

— А как я должна разговаривать? На старославянском? — Даннара смотрит с материнской улыбкой. И мне становится стыдно. Ну да! Бог сотворил Вселенную, а изъясняться он должен как? Чтобы мы его понимали?

Даже жалко богов. Поди объясни все... амебе.

— Извините. Я постараюсь не перебивать.

— Ничего страшного, Зоя. Твой реципиент — моя адептка. Она посвящена мне при рождении. Ее мать была моей жрицей, хотя и тайно, и посвятила мне дочь. Она погибла.

— Мать или дочь?

— Обе.

— Хм... несчастный случай — или грибочки есть не хотела?

Даннара только головой качает.

— Это тебе тоже предстоит выяснить самостоятельно. Зоя, не могу я!!! НЕ МОГУ!!! — Богиня аж переливаться начала всеми цветами, словно радуга. — Боги не всесильны, к сожалению. В противном случае мы могли бы решить все сами, но мы не имеем права вмешиваться напрямую. Я могу выдернуть твою душу — и я дорого заплачу за это. Я могу дать толчок, но я не имею права тебе что-то рассказывать. Боги не всеведущи, но доступное нам куда больше вашего.

— Я понимаю...

— Но тебе от этого не легче.

— Не легче. Но вы мне сделали предложение, от которого глупо отказываться. И я сделаю тоже. Все возможное и невозможное.

— Ты умничка и настоящий боец. Еще и поэтому я выбрала твою душу.

— Спасибо. Но я тогда о деле. Я в дурдом не загремлю? С вашей реципиенткой?

— У тебя будет ЕЕ память. Не моя, а ее. Все, что знала она, будешь знать и ты.

— Ага... А моя память?

— И твоя тоже. Ты останешься сама собой, просто получишь доступ к ее знаниям. Они будут постепенно всплывать по мере надобности. Как гугл-поиск, пользуясь вашими сравнениями. Может поболеть голова, но не сильно.

— Угу. Компьютер перегреется. Надеюсь, она не прогуливала школу.

— Нет. Не прогуливала. Училась девочка очень тщательно. — В голосе богини скользит затаенная грусть. — Но ее душу почти сломали. Ее затравили, как зверя, и она не нашла выхода. Посвящение позволило мне призвать ее душу, оно же позволит и дать ей хорошее перерождение.

Я киваю.

— Мне надо за нее мстить?

— Нет. У нее не было желания мести. Так что это на твое усмотрение.

— Найти равновесие... ладно. Я буду искать. А если кто под руку подвернется, сам и виноват будет.